

DOI: 10.15393/j9.art.2020.7542

УДК 821.161.1.09“18”; 821.161.1.09“1917/1992”

Ольга Алимовна Богданова*Институт мировой литературы им. А. М. Горького,
Российская академия наук
(Москва, Российская Федерация)*

olgabogda@yandex.ru

«Гетеротопия усадьбы» в романе З. Н. Гиппиус «Роман-царевич» (1913)*

Аннотация. В статье исследуется пространственно-семиотическая организация одного из центральных символистских романов Серебряного века, связанная с «усадебным топосом» в русской литературе. Большая часть действия в «Романе-царевиче» З. Н. Гиппиус происходит в 1910-е гг. на территории загородных усадеб в разных частях России, а также в западноевропейском замке вблизи Пиренеев, где проживают в эмиграции русские революционеры. Проявившаяся еще в декабризме двойственность русской революции («самодержавное» диктаторство П. И. Пестеля и христианский демократизм С. И. Муравьева-Апостола) отозвалась у Гиппиус противостоянием Романа Сменцева и Михаила Ржевского вместе с его сторонниками Флорентием и Литтой. Открытие Гиппиус — в обнаружении в поле «усадебного топоса» смысла, восходящего к деятельности декабристов — дворянских революционеров первой четверти XIX в., зачастую крупных помещиков. «Усадебный топос» выступает в «Романе-царевиче» как топос русской революции в ряде локальных вариаций. Идеино-художественная коммуникация между тремя его локусами объединяет западноевропейский замок, напоминающий о просвещенческих корнях русской «усадебной культуры» с ее идеалом свободной личности, дворянскую усадьбу Золотого века русской литературы и культуры, возрастившую первых в России деятелей революции с христианским мировоззрением, и эклектичную интеллигентско-помещичью усадьбу Серебряного века, чьи насельники находятся под зловещей властью Антихриста от революции, генетически восходящего к Староину из романа Ф. М. Достоевского «Бесы». При этом обитатели усадьбы 1910-х гг. сохраняют способность разорвать очерченный Сменцевым гибельный круг благодаря гетеротопической связи с двумя другими представленными в романе усадебными проекциями. На материале произведения Гиппиус выявлена и рассмотрена важная модификация усадебной топика в литературе русского символизма — сельская помещичья усадьба как топос «религиозной революции» (выражение Д. С. Мережковского), для понимания структуры которого используется новая категория — «гетеротопия усадьбы».

Ключевые слова: усадебный топос, усадебный локус, гетеротопия усадьбы, Серебряный век, символистский роман, З. Н. Гиппиус, Д. С. Мережковский, революция, религиозная общественность, новое религиозное сознание

Об авторе: *Богданова Ольга Алимовна* — доктор филологических наук, ведущий научный сотрудник Отдела русской литературы конца XIX — начала XX в., Институт мировой литературы им. А. М. Горького, Российская академия наук (ул. Поварская, 25а, Москва, Российская Федерация, 121069)

Дата поступления: 15.12.2019

Дата публикации: 28.02.2020

Для цитирования: Богданова О. А. «Гетеротопия усадеб» в романе З. Н. Гиппиус «Роман-царевич» (1913) // Проблемы исторической поэтики. — 2020. — Т. 18. — № 1. — С. 294–314. DOI: 10.15393/j9.art.2020.7542

Первые десятилетия XX в. — время заметных трансформаций в «усадебном топосе» русской литературы, в том числе в произведениях, относящихся к ведущему художественному направлению Серебряного века — символизму. Именно тогда, после десятилетий деградации и структурной перестройки в результате крестьянской и земской реформ 1860-х гг., помещичья усадьба стала оживать, развиваться и приобретать более серьезную роль в социально-экономической и в культурно-художественной жизни страны. Так, Л. В. Иванова пишет о возрождении на новой основе помещичьих хозяйств после революции 1905–1907 гг., когда происходило увеличение фонда помещичьей земли, использования наемного труда, торгового оборота. Многие усадьбы в эти годы открывали свои музеи, библиотеки, коллекции и архивы для общества. Владельцы стремились сохранить традиции старинной дворянской усадьбы (см.: [Дворянская и купеческая сельская усадьба...: 511]). Ю. Н. Шорин отмечает, что в 1910-е гг., наряду с осознанием значимости традиционных культурных ценностей, в усадебный быт стали входить многочисленные новации: занятия спортом (футбол, крокет, вольная борьба, плавание, гимнастика), модернизация быта (электричество, водопровод, канализация и т. п.) и культурных моделей поведения (стремление вписаться в окружающее социальное пространство — открытость местному социуму, как крестьянскому, так и разночинному, активное участие в органах местного самоуправления) (см.: [Шорин: 471, 473]). По наблюдению М. В. Нащокиной, «...на фоне, казалось бы, неизбежного заката помещичьей культуры в конце XIX — начале XX в. появились и признаки ее возрождения в новых экономических и культурных координатах. Количество ухоженных, благоустроенных усадеб вновь стало

увеличиваться», и «тысячи усадеб в самых глухих “медвежьих” углах русской провинции продолжали оставаться в конце XIX — начале XX в. своего рода посланцами современной культуры» [Нащокина: 11–12, 14]. Отметив расширение социального состава усадебовладельцев, та же исследовательница констатирует: «...утратив дворянскую сословную принадлежность, усадьбы стали важной частью жизни огромного числа образованных русских людей — выходцев из всех слоев общества» [Нащокина: 16]. И заключает: «Именно к Серебряному веку относится своеобразная общественная канонизация русской усадьбы как средоточия семейных ценностей, всех сторон русской культуры и воплощения национального понимания красоты. Тогда усадьба впервые была глубоко осмыслена как сложная синтетическая целостность, вобравшая в себя особенности национального мировоззрения и уклада жизни, очарование русского пейзажа и разнообразие искусств и ремесел...» [Нащокина: 116].

Итак, русская сельская помещичья усадьба 1910-х гг., с одной стороны, сохраняет глубокую преемственность традициям Золотого века русской «усадебной культуры», первой трети XIX столетия, с другой — в процессах экономической, социальной и нередко художественно-стилевой модернизации настойчиво вовлечена в свою современность. Тем не менее в литературе Серебряного века четко различаются две тенденции в изображении усадебной жизни: описанная выше пассивная, неомифологическая, восходящая к эдемскому архетипу Золотого века, и критическая, продолжающая линию Н. В. Гоголя, А. И. Герцена, М. Е. Салтыкова-Щедрина, включающая в себя негативные коннотации усадьбы в социально-психологическом, эстетическом и цивилизационном планах. Симптоматично, что негативные аспекты рецепции «усадебной культуры» в Серебряном веке связаны не только с ее традиционной социально-психологической критикой, характерной еще для крепостнического времени, но в первую очередь — с критикой эстетической, вытекающей из главной тенденции русской культуры начала XX в. — «пан-эстетизма» (см.: [Минц: 59–96]). В трактовке ряда писателей этой эпохи ставится под сомнение или даже отвергается

идеализация Золотого века «усадебной культуры», который в веке Серебряном претендовал, по мысли М. В. Нащокиной, на роль «национального идеала» [Нащокина: 116]. Так в их произведениях возникает полемический образ «незолотой старины»¹, представленный в поэзии Н. С. Гумилева, прозе Г. И. Чулкова, А. Н. Толстого и др.

В литературе этого периода усадьба нередко является не просто местом действия, но активной средой, во многом формирующей и определяющей психологию, мировоззрение и тип поведения персонажей. Достаточно вспомнить «Серебряного голубя» Андрея Белого, «Творимую легенду» Федора Сологуба, цикл «Заволжье» Алексея Толстого, рассказы и повести И. А. Бунина, Б. К. Зайцева, М. М. Пришвина и мн. др. Среди авторов, уделявших серьезное внимание русской усадьбе в 1900–1910-е гг., можно назвать и З. Н. Гиппиус (см. подробнее: [Glukhova: 178–186]).

Для понимания специфики «усадебного топоса» в символическом романе Гиппиус целесообразно ввести понятие «гетеротопии усадеб»². В гуманитарных исследованиях начала XXI в., отмечает Д. Бахманн-Медик, «пространственная оптика охватывает <...> также пространства, которые определяются уже не только реально — территориально и физически — и уже не только символически, но являются и тем и другим одновременно» [Бахманн-Медик: 353], поэтому их, вслед за Мишелем Фуко, точнее всего назвать гетеротопиями, в которых, по мысли французского философа, явления «<...> “положены”, “расположены”, “размещены” в настолько различных плоскостях, что невозможно найти для них пространство встречи, определить общее место для тех и других» [Фуко, 1977: 34]. Понятие гетеротопии было сформулировано Фуко в 1967 г. в докладе «Другие пространства»: «Пространство, где мы живем <...> является <...> гетерогенным. <...> мы живем в рамках множества отношений, определяющих местоположения, не сводимые друг к другу и совершенно друг на друга не накладывающиеся. <...> Эти местоположения, являющиеся как бы пространствами, находящимися в связи со всеми остальными и, однако же, противоречащими всем остальным местоположениям, делятся на два основных типа» —

утопии и гетеротопии [Фуко, 2006: 191–195]. В отличие от утопий, гетеротопии, по Фуко, это «реальные, подлинные места, места, вписанные в конкретные общественные институты, но служащие своего рода “контрместоположениями”, своего рода фактически реализованными утопиями, в которых реальные местоположения, все остальные реальные местоположения, какие можно найти в рамках культуры, сразу и представляются, и оспариваются, и переворачиваются: места, находящиеся за пределами всех остальных мест, хотя, несмотря на это, они фактически локализуемы» [Фуко, 2006: 196]. Гетеротопия, продолжает философ, «имеет свойство сопоставлять в одном-единственном месте несколько пространств, несколько местоположений, которые сами по себе несовместимы» — «возможно, самым древним из примеров этих гетеротопий, имеющих форму противоречащих друг другу местоположений, является сад»: «В своих древних основах сад представляет собой своеобразную счастливую и универсализирующую гетеротопию <...>» [Фуко, 2006: 200]. Сад же, как мы знаем, один из важнейших элементов «усадебного топоса».

Суть гетеротопий, значимую для Фуко, сформулировал российский философ В. А. Подорога: «Гетеротопические пространства — пространства совмещения несовместимого <...>. Если жизненное пространство в состоянии себя воспроизводить и развивать, то это значит, что его гетеротопическая структура устойчива и эффективна» [Подорога]. Особенно важно для понимания специфики «усадебного топоса» в рассматриваемом нами символистском романе то обстоятельство, что в гетеротопиях преодолевается «принцип бинарности и задаваемых, постоянно и целенаправленно продуцируемых <...> моделей и способов поведения, организации мира» [Шестакова: 65]. В самом деле, в «гетеротопии усадьбы» у Гиппиус намечается путь к иной «организации мира», хотя и соотносимой с прежними моделями.

Большая часть действия в романе писательницы «Роман-царевич» (1913) происходит в 1910-е гг. на территории и в интерьерах загородных усадеб в разных уголках России — Стройке Новгородской губернии и Пчелином Воронежской губернии, а также в западноевропейском замке вблизи Пиренеев, где

проживают в эмиграции русские революционеры. Так что топос усадьбы представлен в этом произведении в трех вариациях, трех локусах, тесно связанных с готовящейся в России, по мысли автора, революцией. Последовательно остановимся на каждом из них.

Начинается роман с описания жизни хозяев и гостей в недавно устроенном поместье петербургского инженера-архитектора Алексея Хованского под неблагозвучным названием Стройка. Такие усадьбы в заметном количестве возводились в 1910-е гг. по всей России. Их отличительные особенности: расположение неподалеку от железнодорожной станции; причудливая архитектура — стилизация одновременно под английский викторианский коттедж и французский средневековый рыцарский замок (см.: [Нащокина: 191–229, 268–327]); наличие современных бытовых удобств — водопровода, электричества и т. д.; функциональная приближенность к даче — отсутствие «порядочного» хозяйства, сезонное проживание владельцев. Автор подчеркивает, что имение без истории, старины — «нелепое», «глупое», «неудобное и холодное»³. Такое поместье мало соотносится с формирующимся в эти годы «усадебным мифом» как идеализацией Золотого века «усадебной культуры», тесно связанного с классицистическими и ампирическими дворянскими усадьбами первой трети XIX столетия, в том числе декабристскими.

Тем не менее парк с аллеей к озеру и контакты с близлежащей деревней, воспитание малолетних детей в сельском семейном доме, долговременное проживание гостей, родственников и друзей сближают жизненный уклад Стройки с традиционным усадебным. Так, вся семья и гости собираются за трапезой на террасе для продолжительных разговоров как на бытовые, так и на отвлеченные темы — о политике, религии, революции, судьбе России. В аллеях парка завязываются романы — между Сменцевым и Литтой, Хованским и Габриэль. Помещичий сын Витя получает жизненные уроки и взрослеет, преодолевая болезненные отроческие огорчения.

И все же определяющая атмосфера Стройки у Гиппиус — «тоска», «скука унылая», «серые, цепкие, мокрые» «лапки» тумана (289, 294), лезущие снаружи в окна усадебного дома.

Кругом — «грязны[е]⁴ болотисты[е] леса», «[б]лижняя деревня, пьяная, убогая, — в двух верстах», «[с]танция захудалая» (285–286). Встреченные деревенские жители — отнюдь не носители вековой народной мудрости, как это было в русской «усадебной» классике (у А. С. Пушкина, Л. Н. Толстого, И. С. Тургенева и др.), а наоборот — находятся в духовном оболыщении «человекобожества», как на икону крестясь на одного из революционных руководителей Сменцева, по замыслу Гиппиус — нового Ставрогина, воплощения Антихристового начала.

Гостящая у Хованских юная родственница Литта Двоекурова отчетливо формулирует двойственное впечатление от Стройки: «...дом какой-то ни на что не похожий, и Хованские оба — горожане, всему чужие; но ведь озеро-то и березки — они настоящие, и сирень, и болотца...». А мужик — или «постоянно пьяный» (291), или вызывающий «[н]еприязнь и чуждость» (295) из-за слепого поклонения Сменцеву. Присутствие последнего как бы накладывает на усадьбу темную, зловещую тень, омрачает ее пространство сыростью и мшистостью, делает ареной двусмысленных манипуляций, вовлекает в гибельный для большинства героев «человекобожеский» план властолюбивого Романа-царевича.

Однако приезд другого революционного деятеля — Флорентия — кардинально меняет восприятие Стройки: здесь появляются простота и веселье, радостный бег по аллее, долгие прогулки и пикники в лесу с кострами, грибами, песнями над озером, чувство родственного тепла, подлинной семейственности, братства, открывается глубокая, искренняя вера в Бога, во Христа. Комната Литты в присутствии Флорентия уже не пустынное помещение с «мертвым окном» (294), а «бел[ая], просторн[ая]», с уютной оттоманкой и яркой лампой, где они вместе «разбира[ют] травы, цветы, грибы» (336). Здесь, как когда-то в усадьбах декабристов — Трубецких, Волконских, Муравьевых, Фонвизиных, Раевских-Давыдовых, происходят важные разговоры о стратегии и тактике революционного движения по освобождению родины от самодержавия.

В качестве исторического прототипа можно, к примеру, вспомнить Каменку, которая вошла «в историю заговора

декабристов прочным и неотъемлемым звеном» и стала «одним из географических центров политической оппозиции первой четверти XIX века» [Гессен: 191]. Владелец Каменки, входившей тогда в состав Чигиринского уезда Киевской губернии, В. Л. Давыдов был среди главных деятелей Союза благоденствия, а затем и Южного тайного общества. Именно тогда усадьба «превратилась в один из штабов заговора. Обыкновенно всякий год <...> вожди Южного общества собирались под гостеприимный кров Каменки, обстановка которой как нельзя лучше удовлетворяла требованиям конспирации. Маскируясь участием в каменских развлечениях, заговорщики обсуждали там узловые вопросы их заговорщицкой деятельности» [Гессен: 194]. Именно в пространстве «богатой дворянской усадьбы, с внушительным “барским” домом, флигелем для молодежи и гостей, роскошным садом, увеселительным гротом» [Гессен: 191] зрели идейные столкновения «христианских демократов» С. И. Муравьева-Апостола и М. П. Бестужева-Рюмина, с одной стороны, и авторитарного «диктатора» П. И. Пестеля — с другой, отчасти воспроизведенные Гиппиус в противостоянии Флорентия и Литты — Сменцеву. По мысли Мережковских, и государственное самодержавие, и самовластье революционного «диктатора» одинаково порождают «человекобожеское» идолопоклонство. Недаром Сменцев — потомок декабриста, внук барона А. Е. Розена, связанного с Северным тайным обществом, где революционное «главарство» (442) и атеизм характеризовали многих.

В то же время, писал Мережковский, именно «герои Четырнадцатого» [Мережковский, 1917] были первыми деятелями революции, провозгласившей в «Катехизисе» С. И. Муравьева-Апостола, прочитанном восставшему Черниговскому полку, «великую мысль» — «соединить Христа с вольностью»⁵. Сохранившиеся письма Муравьева-Апостола свидетельствуют «о сильных религиозных чувствах, свойственных декабристу, и <...> сплавившихся с революционным воззрением» [Эйдельман: 360]. В документальном повествовании «Апостол Сергей...» историк приводит выдержки из сочиненного Муравьевым-Апостолом «Православного катехизиса»:

«**Вопрос.** Что же святой закон наш повелевает делать русскому народу и воинству?»

Ответ. Раскаяться в долгом раболепствии и, ополчась против тиранства и нечестия, поклясться: да будет всем един царь на небеси и на земле Иисус Христос»⁶.

Что касается революционеров начала XX в., то, разуверившись после опыта 1905–1907 гг. в атеистической социал-демократии, они должны, считают Мережковские, вернуться к заветам декабристов-христиан — и традиционный усадебный симбиоз дворянства и народа, освященный общей верой в Бога, в новом качестве восстановится в «религиозной общественности» 1910-х гг. Таким образом, символично само название *Стройка*. В самом деле, происходит не реставрация, а мучительное, ценой проб и ошибок, становление нового революционного движения, «революционного христовства»⁷, в которое приходят люди из других социальных слоев — купечества, интеллигенции (Флорентий, Михаил Ржевский). А потомок дворян-аристократов Сменцев оказывается ренегатом, отступником от лучшего в учении декабристов — и должен быть сменен их настоящими идейными наследниками.

Чтобы отчетливее понять глубинную связь «усадебного топоса» и русской революции в этом романе Гиппиус, сделаем краткий экскурс в революционную мифоидеологию Мережковских первых десятилетий XX в. (подробнее см.: [Богданова, 2017: 172–189], [Кошарный: 96–111]). Во-первых, подлинная русская революция, по их мнению, должна быть не сугубо политической, а религиозной — соединением вольности с Богом, но не тем Богом, Которого предлагает верующим «историческое христианство», в частности Русская православная церковь, а Грядущим Христом «нового религиозного сознания» и «религиозной общественности». Само словосочетание «религиозная революция», впервые появившееся в статье «Революция и религия» (1907) [Мережковский, 2004: 178, 190, 211 и др.], получило широкое распространение в среде русской интеллигенции, в том числе религиозно-философской (у Н. А. Бердяева, С. Н. Булгакова и др., полемизировавших в печати, в том числе в «Вехах»),

с «религиозным революционаризмом» [Бердяев: 19] Мережковского). Во-вторых, «религиозная революция» допускает насилие, или «кровь по совести» (по выражению героя «Преступления и наказания» Ф. М. Достоевского), в присущем новообъявленной «религиозной общественности» стремлении сочетать христианскую святость с террористическим «бомбизмом». При этом действует формула «нельзя и надо», подразумевающая одновременную нежелательность «крови» и ее допустимость при переходе из Царства необходимости в Царство свободы. В 1907–1914 гг. подолгу живя в Париже, Гиппиус и Мережковский сблизились там с эсеровско-террористической эмиграцией, прежде всего с ее главой Б. В. Савинковым, которого достаточно успешно стремились приобщить к религии (см.: [Гончарова: 15–20]). В-третьих, наряду с обожествлением монархов, полностью отрицается и «народобожие». По Д. С. Мережковскому, «религиозная правда народа — христианство восточное, созерцательное — правда мира нездешнего», «чувство свободы человеческой <...> в этой правде отсутствует» [Мережковский, 1996а: 541]. Четвертый важнейший тезис революционных воззрений четы Мережковских — абсолютное отрицание самодержавия и православия как взаимообусловленных сил, утверждавших несовместимое с подлинным христианством «человекобожество» (см. подробнее: [Мережковский, 2004: 489]). В-пятых, оба признают в русском освободительном движении ведущую роль внесловной интеллигенции как «подлинн[ого] воплощен[ия] русского народного сознания и русской народной совести», как «связанн[ой] с народ[ом] руководящ[ей] сил[ы], умственн[ой], нравственн[ой] и общественн[ой]» [Мережковский, 1996b: 489]. Важнейшим в революционной концепции Гиппиус и Мережковского 1910-х гг. является также интерес к декабризму как к прямому предшественнику выдвигаемого ими идеала свободы со Христом, или «религиозной общественности». «Подлинный “авангард русской революции”, — писал Мережковский в 1917 г., — не крестьяне, не солдаты, не рабочие, а <...> герои Четырнадцатого и мы, наследники их — русские интеллигенты...», т. е. «революционная аристократия» как власть «лучших людей»

народа; русские интеллигенты — «декабристы» вечные — вечные стражи революционного сознания, революционной свободы и революционной личности», восстающие против всех видов «самодержавия» — царского, вождистского, народного (см.: [Мережковский, 1917]).

Проявившаяся еще в декабризме двойственность русской революции («самодержавное диктаторство» П. И. Пестеля и христианский демократизм С. И. Муравьева-Апостола) откликнулась в произведении Гиппиус противостоянием Романа Сменцева и Михаила Ржевского вместе с его сторонниками Флорентием и Литтой. Так что отнюдь не случайно художественное пространство в этом политическом романе анализируется прежде всего в «усадебном топосе» как носителе многообразных культурно-исторических смыслов. Открытие Гиппиус состоит в обнаружении в семантико-семиотическом поле «усадебного топоса» смысла историко-революционного, восходящего к деятельности дворянских революционеров, аристократов, зачастую крупных помещиков. Итак, «усадебный топос» в «Романе-царевиче» открыто выступает как один из топосов русской революции в ряде локальных вариаций.

Попутно отметим, что предшественниками Гиппиус в подобной подаче усадебного пространства можно назвать Ф. М. Достоевского как автора романа «Бесы» (1872) и И. С. Тургенева как автора романа «Новь» (1876). Имеется в виду, во-первых, усадьба Ставрогиных Скворешники — место проживания «Ивана-царевича» от русской революции и арена политического убийства предполагаемого провокатора Шатова. В романе Гиппиус настойчиво, даже навязчиво звучат ассоциации Сменцева со Ставрогиным, вновь ставится проблема аристократа в революции, в связи с чем и актуализируется «усадебный топос». Во-вторых, вспоминается и усадьба Маркелова Борзёново⁸, ставшая настоящим штабом подпольной народовольческой организации. Обе усадьбы в качестве локусов революции поданы писателями в негативном ключе, так что отталкивание Гиппиус — поборницы иной, религиозной, революционности — от указанных прецедентов закономерно: ее Ставрогин становится Сменцевым, т. е. должен быть сменен новыми деятелями, выходцами из

других социальных слоев России. Кроме того, произведение Достоевского зеркально отражается в ситуации политического убийства в романе Гиппиус: теперь жертвой становится не близкий к народу разночинец, а сам главарь-аристократ.

Далее обратимся ко второму «усадебному локусу» в «Романе-царевиче» — Пчелиному, — который, думается, не случайно расположен далеко к югу от северной Стройки. Оба локуса ассоциируются с Южным и Северным тайными обществами 1825 г. И если в Северном дух монархизма как диктаторства и возвеличения человека над человеком не был преодолен, то члены Южного как раз и провозгласили единственным царем для равных между собой людей Христа. Открытое, степное воронежское Пчелиное становится в романе «мужичьим университетом», где новая интеллигенция и крестьянство побратски сливаются в «религиозной общественности». В отличие от Стройки, Пчелиное — старинная усадьба, выстроенная в стиле классицизма, родовое гнездо декабриста, кровным наследником которого является Роман Сменцев, а идейно-духовными — Флорентий и Литта. Усадьба состоит из главного дома, в котором живут Сменцев и Литта, расположены библиотека, типография, переплетная, и флигелей, где устроены школа для окрестных крестьян и кухня. Территория усадьбы отделена рекой от большого села с каменной церковью, рядом с ней — небольшой хутор из двадцати изб, видимо когда-то принадлежавших помещичьей дворне. Большого хозяйства в усадьбе нет, главное для ее владельца и его гостей-интеллигентов — религиозно-революционная работа среди простого народа, которая для не верующего в Бога Сменцева является средством собственного обожествления, а для искренне верующих Флорентия и Литты — подлинно христианским подвижничеством.

Флорентий, задуманный автором как истинный наследник дворянской революционности в духе С. И. Муравьева-Апостола, подобно прежним просвещенным помещикам, живет в Пчелином постоянно, круглый год. Литта и Сменцев после заключения фиктивного брака приезжают туда в интересах «дела» зимой. Именно здесь для товарищей окончательно проясняется «самодержавная» сущность Романа Ивановича, на

деле не имеющего ни веры, ни убеждений, кроме безудержной воли к власти. Оберегая первые ростки «революционного христовства»: складывающееся равенство между получающими образование «мужиками» и интеллигентами, носителями «нового религиозного сознания», — Флорентий при поддержке Литты решается на убийство Сменцева — человека, который «себя на место Божье ставит» (487). Симптоматично, что стговор об устранении «хозяина» происходит на усадебном дворе, а само пролитие «крови по совести» — в одном из флигелей господского дома. Так усадьба становится локусом революционного насилия ради будущего Царства свободы. Как и в Стройке, здесь сосуществуют несовместимые пласты бытия: если в новгородской усадьбе это обывательский гедонизм наряду с деловитостью революционного штаба, то в воронежской — разные изводы революционности: атеистически-«человекобожеская» (только прикрывающаяся новыми религиозными целями) в лице Сменцева, с одной стороны, и «религиозная общественность» в лице Флорентия и Литты — с другой. После смерти Сменцева, которую удалось выдать за несчастный случай, оба героя остаются жить в Пчелином, теперь уже беспрепятственно продолжая дело подлинной революции — с религиозными идеалами, — в которое надеются вовлечь и пока еще колеблющегося Михаила.

С последним связан третий «усадебный локус» романа — заграничный. В приветливом «зámке» возле Пиренеев, то ли во Франции, то ли в Испании, живут эмигранты — идеологи «религиозной революции» в России: пожилой профессор Дидим Иванович, юноша Орест, Юс, Михаил Ржевский с сестрой Наташей. Возможно, не случайно их постоянное обиталище — «дача с башней» — архитектурно напоминает новгородскую Стройку, однако природа и психологическая атмосфера здесь совсем иные: «бархатная <...> поляна», «бодрые и веселые ивы», завтрак на лужайке «нежн[ым], солнечн[ым] утро[м]» (367–368), уютный чай в «круглой столовой» (375), непринужденная откровенность между обитателями и гостем — приехавшим из Пчелиного Флорентием, — ласковое доброжелательство ко всем. Здесь также ведутся долгие разговоры о стратегии и тактике революционного движения

в России, о его новых — народно-религиозных — перспективах. Нелегально проходивший «два месяца <...> странником по русским дорогам», изучавший реальную народную Россию Михаил делится с гостем выстраданным выводом:

«Как земля — нужен Бог, как Бог — земля, Бог — оправдание земли, земля — оправдание Бога. Так я <...> понял; а они в смуте, в обмане, свет нужен — его нет еще» (371).

Россия нуждается в том, кто «свету поможет», «кто верит, как они, и понимает больше, чем они» (371). У самого Михаила понимание есть, но вера народная — «историческое христианство» — видится ему неправильной. Он лишь на пороге «нового религиозного сознания», которым уже овладел Флорентий. Открыто обсуждается героями и вопрос о допустимости революционного насилия, убийства во имя высокого идеала.

Итак, «дача с башней» в «милой стране» (368), по-видимому, гораздо более свободной, чем тогдашняя Россия, воспринимается как своеобразная лаборатория революционных идей, с одной стороны, и что-то вроде теплицы для выращивания новых революционных сил — с другой. Именно здесь отдыхают и созревают для деятельности на благо родины, по представлению Гиппиус, брат и сестра Ржевские. Интересно сопоставить пиренейский замок с эмигрантской квартирой Ригелей в Париже, которую посещает Сменцев: если в первом — прочная связь с настоящим и будущим, предчувствие больших целей, широкие перспективы религиозно-революционной работы в России, то во второй люди «как мертвецы» (423) в суете и пустоте бессмысленного существования.

Следовательно, идейно-художественная коммуникация между тремя вариациями «усадебного топоса» в романе Гиппиус объединяет западноевропейский замок, напоминающий о глубинных просвещенческих корнях русской «усадебной культуры» с ее идеалом свободной личности, дворянскую усадьбу Золотого века русской культуры, взрастившую первых в России вестников «свободы с Богом»⁹, и эклектичную интеллигентско-помещичью усадьбу века Серебряного, чьи насельники находятся под зловещей властью Антихриста от революции с его «мудрым обманом» «для себя <...> одного»

(299, 477). При этом они сохраняют способность разорвать очерченный Сменцевым гибельный круг благодаря гетеротопической связи с двумя другими представленными в романе усадебными проекциями. Важно подчеркнуть, что усадьба в «Романе-царевиче» является топосом особого типа революционности, «религиозной общественности», а не прежней интеллигентско-атеистической революции, которой, по художественной логике Гиппиус, в начале XX в. больше соответствует пространство городских квартир и домов.

Такие места действия, как петербургские и парижские квартиры, московская гостиница, становятся как бы промежуточными звеньями между указанными «усадебными локусами». Пространственная дискретность последних только подчеркивает, доводит до крайней степени гетеротопическое качество представленного здесь «усадебного топоса»: все важное, значительное, судьбоносное в романе порождено именно усадебным пространством. Сложно соотноситься друг с другом, локусы Стройки, Пчелиного и пиренейского «замка» создают единый объемный, как бы трехмерный символистский «усадебный топос» — гетеротопию, в которой взаимообусловлены не совместимые друг с другом пласты: аристократическое, интеллигентское и народное, «человекобожеское» и Богочеловеческое, национальное и универсальное, феноменальное и ноуменальное, обыденное и возвышенное, несовершенное и абсолютное. Именно в усадьбе, и нигде больше, открывается лучшим героям «Романа-царевича» — Флорентию и Литте, да и всей России как мистической сущности, путь к высшему миру:

«Христос Один
Твой Властелин,
Россия! Россия!
<...>
Тебя мы с Ним
Освободим,
Россия! Россия!» (465).

Это песня и народная, и интеллигентская одновременно, ее вместе поют в Пчелином работник Миша и просветитель

Флорентий. Получается, что усадьба — тот единственный топос, где только и возможно органичное соединение народной веры и дворянско-интеллигентской образованности в качественно новом синтезе. Так было в первой трети XIX в., Золотом веке русской культуры, когда усадьба явилась «художественным перекрестком» [Евангулова: 25] европеизированной дворянской и патриархальной крестьянской культур, рождающим лоном для великой русской классической литературы (см. подробнее: [Богданова, 2019: 30–44]), так осталось и на рубеже XIX–XX вв., в веке Серебряном, когда на усадебной почве всходят идеи и появляются герои русской революции, одушевляемой христианским идеалом. Поэтому вполне можно заключить, что «Роман-царевич» Гиппиус в своем роде примыкает к той культурной тенденции Серебряного века, которая возводила русскую помещичью усадьбу Золотого века в ранг «национального идеала» [Нащокина: 116].

Примечания

- * Исследование выполнено в ИМЛИ РАН за счет средств гранта Российского научного фонда № 18-18-00129.
- ¹ Гумилев Н. С. Старина: Стихотворение (1908) // Гумилев Н. С. Соч.: в 3 т. М.: Худож. лит., 1991. Т. 1. С. 103.
 - ² Эта категория была введена в тезаурус исследований «усадебного текста» в докладе О. А. Богдановой на семинаре «Проблемы тезауруса “усадебных” исследований в российском и зарубежном литературоведении» 9 октября 2018 г. (см. URL: <http://litusadba.imli.ru/event/seminar-problemy-tezaurus-a-usadebnyh-issledovaniy-v-rossiyskom-i-zarubezhnom-literaturovedenii>), получила теоретическое осмысление в монографии О. А. Богдановой [Богданова, 2019: 10–11], а затем была текстуально применена к творчеству З. Н. Гиппиус в докладе О. А. Богдановой «Художественное пространство в “Романе-царевиче” З. Н. Гиппиус: усадьба как топос религиозной революции» на Международной научной конференции «Круг Мережковских: к 150-летию со дня рождения З. Н. Гиппиус» (Москва, ИМЛИ РАН, 3–5 декабря 2019 г.) и в статье Е. В. Глуховой [Glukhova: 178–186].
 - ³ Гиппиус З. Н. Роман-царевич: Роман // Гиппиус З. Н. Опыт свободы. М.: Панорама, 1996. С. 285–286. Далее ссылки на это издание приводятся в тексте статьи с указанием страницы в круглых скобках.
 - ⁴ Здесь и далее в цитатах в квадратные скобки взяты части слов, измененные в падеже или в употреблении строчной и прописной букв по сравнению с оригиналом.
 - ⁵ Мережковский Д. С. 14 декабря: Роман // Мережковский Д. С. Собр. соч.: в 4 т. М.: Правда, 1990. Т. 4. С. 218.

- ⁶ Эйдельман Н. Я. Апостол Сергей: Повесть о Сергее Муравьеве-Апостоле. 2-е изд. М.: Политиздат, 1980. С. 233. (Серия «Пламенные революционеры»).
- ⁷ Гиппиус З. Н. Письмо к Б. В. Савинкову от 11 (24) марта 1911 г. // «Революционное христовство». Письма Мережковских к Борису Савинкову / вступ. ст., сост., подгот. текстов и коммент. Е. И. Гончаровой. СПб.: Пушкинский Дом, 2009. С. 192.
- ⁸ Тургенев И. С. Полн. собр. соч. и писем: в 30 т. Произведения: в 12 т. М.: Наука, 1981. Т. 9. С. 198.
- ⁹ Мережковский Д. С. 14 декабря: Роман. С. 221.

Список литературы

1. Бахманн-Медик Дорис. Культурные повороты. Новые ориентиры в науках о культуре / пер. с нем. С. Ташкенова. — М.: Новое литературное обозрение, 2017. — 504 с.
2. Бердяев Н. А. Мережковский о революции // Московский еженедельник. — 1908. — № 25. — 25 июня. — С. 3–19.
3. Богданова О. А. «14 декабря» Д. С. Мережковского как роман о русской революции 1917 года // *Studia Litterarum*. — 2017. — Т. 2. — № 2. — С. 172–189.
4. Богданова О. А. Усадьба и дача в русской литературе XIX–XXI вв.: топика, динамика, мифология: монография. — М.: ИМЛИ РАН, 2019. — 288 с.
5. Гессен С. Я. Пушкин в Каменке // Литературный современник. — 1935. — № 1. — С. 191–205.
6. Гончарова Е. И. «Революционное христовство» // «Революционное христовство». Письма Мережковских к Борису Савинкову / вступ. ст., сост., подг. текстов и коммент. Е. И. Гончаровой. — СПб.: Пушкинский Дом, 2009. — С. 16–33.
7. Дворянская и купеческая сельская усадьба в России XVI–XX вв.: исторические очерки / отв. ред. Л. В. Иванова. — М.: Эдиториал УРСС, 2001. — 784 с.
8. Евангулова О. С. Художественная «Вселенная» русской усадьбы. — М.: Прогресс-Традиция, 2003. — 304 с.
9. Кошарный В. П. Учение о религиозной революции Д. С. Мережковского, З. Н. Гиппиус и Д. В. Философова // Соловьевские исследования. — 2017. — № 3 (55). — С. 96–111.
10. Мережковский Д. С. 1825–1917 // Вечерний звон. — 1917. — 14 декабря.
11. Мережковский Д. С. Две тайны русской поэзии. Некрасов и Тютчев // Мережковский Д. С. Вечные спутники: Роман. Стихотворения. Литературные портреты. Дневник. — М.: Школа-Пресс, 1996. — С. 535–607. (а)
12. Мережковский Д. С. Завет Белинского. Религиозность и общественность русской интеллигенции // Мережковский Д. С. Вечные спутники: Роман. Стихотворения. Литературные портреты. Дневник. — М.: Школа-Пресс, 1996. — С. 489–509. (б)
13. Мережковский Д. Собр. соч. Грядущий Хам / сост. и коммент. А. Н. Николоюкина. — М.: Республика, 2004. — 478 с.

14. Минц З. Г. О некоторых «неомифологических» текстах в творчестве русских символистов // Минц З. Г. Поэтика русского символизма. — СПб.: Искусство-СПБ, 2004. — С. 59–96.
15. Нащокина М. В. Русская усадьба Серебряного века. — М.: Улей, 2007. — 432 с.
16. Подорога В. Событие: Бог мертв Фуко и Ницше // Фридрих Ницше. [Электронный ресурс]. — URL: <http://www.nietzsche.ru/look/xxc/ontologie/vpodoroga/> (10.09.2019).
17. Фуко Мишель. Слова и вещи / пер. с фр. В. П. Визгина, Н. С. Автономовой. — М.: Прогресс, 1977. — 405 с.
18. Фуко Мишель. Интеллектуалы и власть: избранные политические статьи, выступления и интервью / пер. с фр. Б. М. Скуратова. — М.: Практикс, 2006. — Ч. 3. — 320 с.
19. Шестакова Э. Г. Гетеротопия — рабочее понятие современной гуманитаристики: литературоведческий аспект // Критика и семиотика. — 2014. — № 1. — С. 58–72.
20. Шорин Ю. Н. Ивонино: мир русской усадьбы пореформенного времени. Усадебный фотоархив как исторический источник // Русская усадьба: сб. ОИРУ. — М.: Жираф, 2006. — Вып. 12 (28). — С. 460–480.
21. Эйдельман Н. Я. К биографии Сергея Ивановича Муравьева-Апостола // Эйдельман Н. Я. Из потаенной истории России XVIII–XIX веков / вступ. ст. А. Г. Тартаковского. — М.: Высшая школа, 1993. — С. 349–371.
22. Glukhova E. V. Heterotopy of the Country Estate in the Poetics of Russian Symbolism (Part I: Zinaida Gippius) // Новый филологический вестник. — 2019. — № 4 (51). — С. 178–186 [Электронный ресурс]. — URL: http://slovorggu.ru/2019_4/51.pdf (10.12.2019). DOI: 10.24411/2072-9316-2019-00100

Olga A. Bogdanova

*A. M. Gorky Institute of World Literature,
the Russian Academy of Sciences
(Moscow, Russian Federation)*

olgabogda@yandex.ru

“The Heterotopia of Estate” in the Novel by Z. N. Gippius “Roman-Tsarevich” (1913)

Acknowledgments. The study by a grant of Russian Scientific Foundation (project no. 18-18-00129). The reported study was performed in the A. M. Gorky Institute of World Literature of the Russian Academy of Sciences and funded by Russian Science Foundation according to the research project no. 18-18-00129.

Abstract. The article studies the space-semiotic organization of one of the central symbolist novels of the Silver age, associated with the “estate topos” in Russian literature. Most of the action in the “Roman-Prince” by Z. N. Gippius takes place in the 1910s on the territory of country estates in different parts of

Russia, as well as in the Western European castle near the Pyrenees, where Russian revolutionaries live. The duality of the Russian revolution manifested as late as in Decembrist movement (the “autocratic” dictatorship of P. I. Pestel and the Christian democratism of S. I. Muravyov-Apostol) echoed in Gippius’s novel in the form of the opposition between Roman Smentsev and Mikhail Rzhnevsky, along with his supporters Florenty and Litta. Gippius’s discovery consists in the fact that she found in the field of “estate topos” a meaning that goes back to the activities of the Decembrists-noble revolutionaries of the first quarter of the 19th century, often large landowners. The “Estate topos” appears in the “Roman-Prince” as the topos of the Russian religious revolution in a number of local variations. The ideological and artistic circulation between its three loci unites the Western European castle, reminiscent of the educationist roots of the Russian “estate culture” with its ideal of a free personality, a noble estate of the Golden age, which brings Russia’s first apostles of religious revolution, and eclectic intelligent-landowner estate of the Silver age, the inhabitants of which are under the evil power of the Antichrist of the revolution, genetically ascending to Stavrogin of the novel “Demons” by F. M. Dostoevsky. At the same time, they maintain the ability to break the fatal circle outlined by Smentsev thanks to the heterotopic connection with the other two estate projections presented in the novel. So, the scientific novelty of the article is that: here, in the material of the Gippius’s novel is identified and discussed an important modification of the “estate topos” in the literature of Russian symbolism — a landowner’s rural estate as a topos of the religious revolution, and for understanding of its structure a new category — “heterotopia of the estate” — is used.

Keywords: estate topos, estate locus, heterotopia of the estate, Silver age, symbolist novel, Z. N. Gippius, D. S. Merezhkovsky, religious revolution, religious community, new religious consciousness

About the author: *Bogdanova Olga A.* — Doctor of Philology, Leading Researcher of the Department of Russian Literature of the late 19th — early 20th century, A. M. Gorky Institute of World Literature, the Russian Academy of Sciences (ul. Povarskaya, 25a, Moscow, 121069, Russian Federation)

Received: December 15, 2019

Date of publication: February 28, 2020

For citation: Bogdanova O. A. “The Heterotopia of Estate” in the Novel by Z. N. Gippius “Roman-Tsarevich” (1913). In: *Problemy istoricheskoy poetiki* [*The Problems of Historical Poetics*], 2020, vol. 18, no. 1, pp. 294–314. DOI: 10.15393/j9.art.2020.7542 (In Russ.)

Reference

1. Bakhmann-Medik Doris. *Kul'turnye povoroty. Novye orientiry v naukah o kul'ture* [*Cultural Twists. New Landmarks in Cultural Studies*]. Moscow, Novoe literaturnoe obozrenie Publ., 2017. 504 p. (In Russ.)
2. Berdyaev N. A. Merezhkovsky About the Revolution. In: *Moskovskiy zhenedel'nik*, 1908, no. 25, 25 June, pp. 3–19. (In Russ.)

3. Bogdanova O. A. “December 14” by D. S. Merezhkovsky as a Novel About the Russian Revolution of 1917. In: *Studia Litterarum*, 2017, vol. 2, no. 2, pp. 172–189. (In Russ.)
4. Bogdanova O. A. *Usad’ba i dacha v russkoy literature XIX–XXI vv.: topika, dinamika, mifologiya: monografiya* [Estate and Dacha in Russian Literature of the 19th — 21st Centuries: Topic, Dynamics, Mythology: Monograph]. Moscow, A. M. Gorky Institute of World Literature of the RAS Publ., 2019. 288 p. (In Russ.)
5. Gessen S. Ya. Pushkin in Kamenka. In: *Literaturnyy sovremennik*, 1935, no. 1, pp. 191–205. (In Russ.)
6. Goncharova E. I. “Revolutionary Christianity”. In: «*Revolyutsionnoe khristovstvo*». *Pis’ma Merezhkovskikh k Borisu Savinkovu* [“Revolutionary Christianity”. *The Merezhkovskys’ Letters to Boris Savinkov*]. St. Petersburg, Pushkinskiy Dom Publ., 2009, pp. 16–33. (In Russ.)
7. *Dvoryanskaya i kupecheskaya sel’skaya usad’ba v Rossii XVI–XX vv.: istoricheskie ocherki* [A Noble and Merchant Rural Estate in Russia of the 16th — 20th Centuries: Historical Essays]. Moscow, Editorial URSS Publ., 2001. 784 p. (In Russ.)
8. Evangulova O. S. Khudozhestvennaya «Vselennaya» russkoy usad’by [Artistic “Universe” of the Russian Estate]. Moscow, Progress-Traditsiya Publ., 2003. 304 p. (In Russ.)
9. Kosharnyy V. P. The Doctrine of the Religious Revolution of D. S. Merezhkovsky, Z. N. Gippius and D. V. Filosofova. In: *Solov’evskie issledovaniya* [The Solovoyov Studies], 2017, no. 3 (55), pp. 96–111. (In Russ.)
10. Merezhkovskiy D. S. 1825–1917. In: *Vecherniy zvon*, 1917, December 14. (In Russ.)
11. Merezhkovskiy D. S. Two Mysteries of Russian Poetry. Nekrasov and Tyutchev. In: *Merezhkovskiy D. S. Vechnye sputniki: Roman. Stikhotvoreniya. Literaturnye portrety. Dnevnik* [Merezhkovsky D. S. *Eternal Companions: Novel. Poems. Literary Portraits. Diary*]. Moscow, Shkola-Press Publ., 1996, pp. 535–607. (In Russ.) (a)
12. Merezhkovskiy D. S. Belinsky’s Commandment. Religious Commitment and Public Opinion of the Russian Intelligentsia. In: *Merezhkovskiy D. S. Vechnye sputniki: Roman. Stikhotvoreniya. Literaturnye portrety. Dnevnik* [Merezhkovsky D. S. *Eternal Companions: Novel. Poems. Literary Portraits. Diary*]. Moscow, Shkola-Press Publ., 1996, pp. 489–509. (In Russ.) (b)
13. Merezhkovskiy D. *Sobranie sochineniy. Gryadushchiy Kham* [Collected Works. *Gryadushchiy Kham*]. Moscow, Respublika Publ., 2004. 478 p. (In Russ.)
14. Mints Z. G. About Some “Neo-Mythological” Texts in the Works of Russian Symbolists. In: *Mints Z. G. Poetika russkogo simvolizma* [Mints Z. G. *The Poetics of Russian Symbolism*]. St. Petersburg, Iskusstvo–SPB Publ., 2004, pp. 59–96. (In Russ.)
15. Nashchokina M. V. *Russkaya usad’ba Serebryanogo veka* [The Russian Estate of the Silver Age]. Moscow, Uley Publ., 2007. 432 p. (In Russ.)

16. Podoroga V. A. *Sobytiye: Bog mertv Fuko i Nicshe* [Event: God is Dead Foucault and Nietzsche]. Available at: <http://www.nietzsche.ru/look/xxc/ontologie/vpodoroga/> (accessed on September 10, 2019). (In Russ.)
17. Foucault Mishel. *Slova i veshchi* [Words and Things]. Moscow, Progress Publ., 1977. 405 p. (In Russ.)
18. Foucault Mishel. *Intellektualy i vlast': izbrannye politicheskie stat'i, vystupleniya i interv'yu* [Intellectuals and Power: Selected Political Articles, Speeches and Interviews]. Moscow, Praksis Publ., 2006, part 3. 320 p. (In Russ.)
19. Shestakova E. G. Heterotopy as a Working Concept of Modern Humanitaristics: a Literary Aspect]. In: *Kritika i semiotika* [Criticism and Semiotics], 2014, no. 1, pp. 58–72. (In Russ.)
20. Shorin Yu. N. Ivonino: the World of the Russian Estate of the Post-Reformation Time. The Manorial Photo-Archive as a Historical Source. In: *Russkaya usad'ba: sbornik Obshchestva Izucheniya Russkoy Usad'by* [The Russian Estate: Collection of the Society for the Study of Russian Estate]. Moscow, Zhiraf Publ., 2006, issue 12 (28), pp. 460–480. (In Russ.)
21. Eydel'man N. Ya. More on the Biography of Sergei Ivanovich Muravyov-Apostol. In: *Eydel'man N. Ya. Iz potayennoy istorii Rossii XVIII–XIX vekov* [Eidelman N. Ya. From the Secret History of Russia of the 18th — 19th Centuries]. Moscow, Vysshaya shkola Publ., 1993, pp. 349–371. (In Russ.)
22. Glukhova E. V. Heterotopy of the Country Estate in the Poetics of Russian Symbolism (Part I: Zinaida Gippius). In: *Novyy filologicheskij vestnik* [The New Philological Bulletin], 2019, no. 4 (51), pp. 178–186. Available at: http://slovorggu.ru/2019_4/51.pdf (accessed on December 10, 2019). DOI: 10.24411/2072-9316-2019-00100 (In English)